

Отвергнуть предложение Хо Удуна означало навсегда лишиться надежды занять место среди Трех Гунов — верховных наставников империи. Пусть эти советники не обладали реальной властью, они почитались как учителя самого Сына Неба, и их благородная слава в народе сияла куда ярче, нежели почет верховного канцлера.

Колебания Ху Пэя длились лишь краткий миг. Склонившись в глубоком поклоне перед Великим наставником Хо Удуном, он произнес:

— Нижайше прошу простить младшего. Еще у подножия горы я принял покровительство нынешнего Великого министра и признал его своим учителем.

Хо Удун на мгновение замер, поглаживая седую бороду, и тихо вздохнул.

В конце концов он лишь соткал чужой свадебный наряд. Этот ребенок... сделать подобный выбор! Глупо отрицать, что старик почувствовал разочарование.

Слегка кивнув собравшимся, Великий наставник молча развернулся и покинул длинную беседку.

Шэнь Тяньсинь неторопливо подошла к юноше. На ее великолепных рукавах из лазурного шелка все еще темнело багровое пятно засохшей крови.

Ху Пэй почувствовал легкую тошноту и невольно захотел отстраниться, спасаясь от этого тяжелого металлического запаха.

Но высокомерная Великая ученая лишь усмехнулась:

— Дерзкий малый. Храбрости тебе не занимать, играешь отменно, а уж лицом и вовсе красен. Что до таланта... пусть в тебе и нет обещанных легендами десяти мер, но уж восемь-то ты владеешь сполна. Жаль лишь одно: когда ты явился в этот мир, моя молодость уже ушла.

С этими словами она кивнула оставшимся, обогнула преграждавшего ей путь князя Сюаня и уверенным шагом удалилась.

Мастер Ляньхуа самолично укутал цинь Минчжэн в плотную ткань и передал Ху Пэю, сложив ладони перед грудью:

— Старый монах лишь доставил юному другу хлопот. Премного благодарен тебе за то, что помог исполнить мое давнее желание. Прощай.

Ху Пэй принял тяжелый инструмент и, неловко прижимая его к груди, поклонился уходящему буддисту.

Затем подошел черед Се Даоцзяня и Цзи Чуньмина.

Оба они были хозяевами Усадьбы Десяти Мудрецов, уединенными отшельниками Горы Спящего Дракона. Хотя высокие гости спешно покидали вершину, все они собирались провести здесь ночь, а значит, требовалось отдать распоряжения слугам и подготовить покои.

Мудрецы сложили руки в прощальном жесте и неспешно удалились.

Князь Сюань проводил Шэнь Тяньсинь долгим взглядом, после чего украдкой покосился на Ху Пэй. Слегка кашлянув, он предложил:

— Позволь мне проводить тебя вниз?

«Обаяние этого юноши поистине и чарует, и злит... Подумать только, заставил саму Тяньсинь произнести такие слова!»

— Премного благодарен, — отозвался Ху Пэй.

Он не ведал о тайной связи между Шэнь Тяньсинь и князем Сюанем — со стороны казалось, что этих двоих ничто не объединяет.

Пристроив громоздкий чехол с цинем за спину, Ху Пэй без малейшей брезгливости подхватил с земли белого лиса и зашагал следом за князем.

Солнце уже коснулось горизонта, и сумерки стремительно сгущались.

Если не поторопиться, ночь застигнет их прямо на крутой горной тропе. Однако для князя Сюаня это не представляло никакой трудности, поэтому он вел юношу неспешным, размеренным шагом.

— И все же, что стряслось с этим цинем? — с любопытством спросил он. — Почему я, признанный... «практик», не сумел совладать с ним, а в твоих руках он зазвучал?

Остальные мудрецы славились мудростью: они знали, о чем стоит спрашивать, а что лучше предать забвению. Но князь Сюань, которого в народе почитали как бессмертного небожителя и который сам гордо именовал себя «идущим по пути совершенствования», не мог позволить себе оставаться в неведении.

Сам Ху Пэй этот инструмент откровенно недолюбливал — уж слишком тот был тяжелым.

Однако ради того впечатления, которое он должен был произвести на ожидавшего внизу Великого министра Цзи Сюэкана, приходилось терпеть неудобства.

Стоило вспомнить троих кузенов из второй ветви семьи и собственного шестого брата Ху Яна, как перед глазами вставала безрадостная картина. Должность его отца, Великого церемониймейстера, при всей ее пышности, не давала детям семьи никаких преимуществ. Младшее поколение не могло рассчитывать на достойный чиновничий старт, если только не заручится поддержкой более могущественного покровителя.

Великий наставник Хо Удун обладал громким именем, но реальной власти не имел. Цзи Сюэкан же, напротив, не стремился к дешевой славе, но именно через его руки проходили все ключевые государственные и военные дела перед тем, как лечь на стол к четырем советникам и самому императору. В нынешней Династии Великой Чжоу именно он оставался истинным столпом двора.

Отогнав лишние думы, Ху Пэй бесстрастно пояснил спутнику:

— Душа госпожи Е навеки связала себя с этим цинем. Услышав историю мастера Ляньхуа, она пробудилась, чтобы сыграть свою последнюю мелодию.

Князь Сюань слегка удивился.

Сам он прекрасно знал цену собственному величию: все его «чудеса», коими он морочил головы простолюдинам, творились лишь благодаря артефактам, дарованным истинными заклинателями. Сам он не обладал способностью зреть мир призраков и духов. То, что Минчжэн заиграл сам, укладывалось в рамки его догадок, но как этот мальчик сумел разрешить столь опасное дело?

— Мне лишь повезло немного смыслить в музыке. Я играл от самого сердца, разделив ее чувства. Когда ее последнее желание исполнилось, дух сам мирно сошел в Девять Преисподних, — добавил Ху Пэй и поправил сползающую лямку чехла.

Он скользнул взглядом по изящной фигуре князя Сюаня, раздумывая, каким образом заставить этого господина дотащить тяжелый цинь до подножия горы.

Вдруг ноша за его спиной лишилась веса.

Придержав инструмент рукой, Ху Пэй уловил едва ощутимое колебание духовной энергии.

Эта сила исходила не от идущего впереди князя — тот даже ухом не повел, лишний раз доказав слабость своих способностей.

Оставался лишь один виновник — покоящийся на его руках белый лис Фэйбай, чьи

возможности оставались загадкой. Надо же, уцелевшая часть души Повелителя Грома решила помочь ему и облегчить ношу.

Заметив быстрый взгляд юноши, князь Сюань тихо рассмеялся.

— Смеркается. Позволь мне ускорить наш путь.

Ху Пэй ощутил, как его окутало мягкое сияние духовного света. Шаг — и перед глазами уже раскинулось подножие горы.

Ху Линь, завидев молодого господина, с облегченным криком бросился ему навстречу.

Следом поспешил восьмой принц Сюаньюань Дуань, на чьем лице скука мгновенно сменилась искренним восторгом, а также толпа зевак, упрямо дожидавшихся финала этой затянувшейся драмы.

— Подумать только, испытание пятого дня завершилось столь быстро... Пойдите, а что это у господина Линцзюня за спиной?

— Неужели тот самый демонический цинь Минчжэн? Ведь на гору он поднимался налегке!

— Он сумел забрать его! О небеса, он воистину достоин своего прозвища!

— Выходит, он теперь один из Десяти Мудрецов? Но сколько ему лет?

— Девять... Как такое возможно в столь юные годы?

Среди гула удивленных голосов Ху Пэй встретился взглядом с ошеломленным Сюаньюань Дуанем. Слегка кивнув принцу, который быстро оправился от потрясения, Ху Пэй под его защитой направился к длинной беседке.

Великий министр Цзи Сюэкан прождал долгих пять дней, и в этот последний час его терпение было вознаграждено.

Пусть Ху Пэй оставался лишь ребенком, его благородная осанка и величие превосходили любого из присутствующих. Он походил на горного духа, сошедшего к смертным с легендарным инструментом за плечами и увенчанного заслуженной славой.

«Не напрасно я ждал, — подумал Цзи Сюэкан. — В будущем этот малый превзойдет многих».

В его душе смешались радость и невольный, трудноподавляемый страх перед талантом юноши.

Однако, взглянув на возраст Ху Пэя, министр успокоился. Когда этот мальчик войдет в полную силу, сам он уже достигнет вершины почета и начнет склоняться к закату своей карьеры. Уступить дорогу столь блистательному преемнику на исходе лет лишь прибавит ему славы в глазах потомков.

Подойдя к беседке, Ху Пэй преклонил колени, держа за спиной драгоценный цинь.

Цзи Сюэкан с довольной улыбкой погладил ухоженную бороду.

Учитель мудреца!

Отныне к его титулу Великого министра навеки прикрепится звание «Мудрого канцлера», слава о котором переживет династии. То единственное, чего ему недоставало для триумфа — великое имя покровителя гения, — теперь принадлежало ему.

Именно ради этого Цзи Сюэкан безвылазно сидел в беседке пять дней. Он использовал самого себя как наживку, чтобы поймать рыбу, способную обессмертить его имя в веках.

— Ваш ученик Ху Пэй не посрамил наставлений учителя. Ныне я возвращаюсь с великим цинем Минчжэн и склоняюсь перед вашей мудростью, — произнес юноша, совершая три ритуальных поклона и касаясь лбом земли.

Цзи Сюэкан поспешил навстречу и лично поднял его с колен.

— Хорошо, очень хорошо... — растроганно вымолвил он. — Ты превзошел все мои ожидания, Пэй-эр. Мое сердце спокойно.

Свидетели этой сцены немедленно разнесли весть по всей округе, и вскоре в народе заговорили: «Под мудрым руководством Великого министра юный господин Линцзюнь прошел испытание Десяти Мудрецов, вошел в их круг и подчинил себе демонический цинь Минчжэн. Воистину, достоин своего наставника и своего великого имени!»

С того дня имена Цзи Сюэкана и Ху Пэя оказались неразрывно связаны в устах столичных жителей.

Прежде чем ночная тьма окончательно поглотила тракт, Великий министр, преисполненный гордости, отбыл в свое поместье. Перед уходом он пригласил Ху Пэя пожаловать завтра вместе с отцом, Ху Юньшэнем, в его резиденцию на торжественный пир в честь обретения ученика.

Ху Пэй устроился в экипаже Сюаньюань Дуаня. Прямо посреди просторной повозки лежал бережно укутанный цинь Минчжэн. Юноша откинулся на мягкие подушки и прикрыл глаза, лениво поглаживая шелковистую шерсть белого лиса.

Восьмой принц не сводил с него жадного, пылкого взгляда. Безупречные, нежные черты лица Ху Пэя заставляли сердце принца биться чаще, и скрывать это пламя становилось все труднее.

Уловив эту неприкрытую страсть, уцелевшая душа Повелителя Грома заставила лиса приоткрыть глубокие алые глаза. Зверь уставился прямо на Сюаньюань Дуаня, и в его горле зародилось глухое, предупреждающее рычание.

Принц опустил взгляд и, заметив недовольство питомца, мягко улыбнулся. Он прижал длинный палец к губам и прошептал:

— Тс-с, не шуми. Не тревожь сон своего хозяина.

Душа Лэй Минцзюня едва не заставила лиса оскалить клыки. С трудом сдержав ярость, он мысленно выругался и поудобнее устроился на коленях Ху Пэя, подчиняясь его мерным, успокаивающим поглаживаниям.

«Глупец... Положить глаз на древнего лиса. Знал бы ты, какая участь тебя ждет».

У ворот усадьбы Ху Пэй покинул экипаж, бережно прижимая к себе Фэйбая. Ху Линь принял тяжелый Минчжэн из рук кучера принца.

Видя, что юноша уходит, даже не обернувшись, Сюаньюань Дуань ощутил укол щемящей тоски и поспешно окликнул его:

— А-Пэй!

Юноша замер у самого порога и медленно повернул голову.

Восьмой принц шумно сглотнул. Несмотря на свое высокое положение и статный рост, перед этим девятилетним гением он испытывал необъяснимый трепет.

— А-Пэй... ты ведь pomoжeшь мне?

Ху Пэй опустил взгляд. Длинные ресницы тенью легли на его глаза, скрывая мимолетный холод. Когда же он вновь посмотрел на принца, его взор отразил свет уличных фонарей и сияние далеких звезд — чистый, отрешенный, лишенный всего земного.

— Разумеется. Или восьмой принц больше не считает меня своим другом?

Сюаньюань Дуань поспешно закивал, но тут же исправился:

— Нет, я хотел сказать... А-Пэй, ты для меня дороже всех на свете.

Их взгляды встретились, и оба они обменялись мягкими улыбками.

Ху Пэй склонил голову в знак прощания и вместе с Ху Линем скрылся за воротами усадьбы. Стоило ему повернуться спиной к улице, как теплота мгновенно сошла с его лица, сменившись привычной бесстрастностью.

Оставшись на улице, Сюаньюань Дуань крепко сжал кулаки, провожая взглядом удаляющуюся фигуру. Его темные глаза горели решимостью. Посмотрев на свои белоснежные одежды, он тихо произнес:

«Пэй-лан, ты облачил меня в чистые снега, дабы я научился отличать добро от зла в этом бренном мире. Я же клянусь подарить тебе всю роскошь и почет, какие только есть под этим небом. Я никогда не предаю тебя. Пожалуйста, не разочаруй и ты меня».

Этой ночью в усадьбе Ху никто не мог уснуть.

Ху Пэй по первому зову вошел в кабинет отца.

Ху Юньшэнь пристально и хмуро разглядывал своего не по годам смышленного сына.

— Ты хоть понимаешь, что натворил?

— Отец имеет в виду мое восхождение в Усадьбу Десяти Мудрецов или принятие покровительства у подножия горы? — устало спросил Ху Пэй, застыв посреди комнаты.

— Мудрецы Горы Спящего Дракона — далеко не все они чистые книжники. Их слава гремит лишь в досужих песнях простолюдинов. В твои годы примкнуть к ним — значит не только взвалить на себя непосильную ношу великого имени, но и воздвигнуть препятствия на собственном чиновничьем пути. Дерево, что возвышается над лесом, первым принимает удар бури. Пэй-эр, неужели ты этого не понимаешь? — В голосе Ху Юньшэня гордость смешивалась с глубокой тревогой. — Если ты нацелился на место Великого министра, связывать себя с Цзи Сюэканом — крайне неосмотрительно. Его нынешние деяния далеки от идеалов мудрости. Ты жертвуешь собственным добрым именем, дабы вымостить ему дорогу и заслужить благосклонность. Но задумывался ли ты, как на это посмотрит Тот, кто сидит на самом верху?

Он подошел ближе и тяжело опустил ладонь на плечо сына.

— Воля государя непостижима. Твой шаг слишком поспешен и дерзок.

— А что, если к концу следующего года я завершу обучение в Государственном университете и получу право войти в палаты двора? — Ху Пэй поднял голову. В его глазах, лишившихся и следа усталости, вспыхнул холодный, звездный блеск.

Ху Юньшэнь ощутил непонятное, глухое раздражение.

— К чему такая спешка? Это совсем не похоже на моего ленивого, праздного мальчика, каким ты был с самого рождения.

Ху Пэй опустил глаза.

«К чему?»

Потому что рядом постоянно крутится этот проклятый лис, чья уцелевшая душа в любой момент может потерять остатки терпения.

— Отец, я ценю твои предостережения. Однако завтра я прошу тебя сопровождать меня в резиденцию Великого министра для совершения обряда, — ровным голосом ответил юноша.

Ху Юньшэнь понимал, что дело сделано и ничего уже не вернуть. И все же ему хотелось, чтобы сын двигался вперед постепенно, шаг за шагом, избегая столь опасных прыжков.

Когда Ху Пэй покинул кабинет, глава семьи вернулся в покои супруги.

Они долго шептались при свечах. Ху Юньшэнь как мог успокаивал жену, прося ее не тревожиться по пустякам. Сейчас она носила под сердцем дитя, и ей следовало беречь силы. Что же касается их старшего, излишне одаренного и своенравного сына... Раз уж они не в силах на него повлиять, пусть сам пробивает себе дорогу.

В Дворике Нефритового Ириса Ху Пэй тоже никак не мог сомкнуть глаз, ворочаясь с боку на бок.

В темноте он протянул руку и коснулся теплого, мягкого бока дремлющего Фэйбая.

— На горе мы заключили сделку, и твой долг благодарности уплачен, — прошептал он в пустоту комнаты. — Что же ты предпримешь теперь?

«Придешь за моей душой, чтобы запереть ее в теле этого зверя?»

Когда они только поднимались по крутому склону Горы Спящего Дракона, Ху Пэй сумел договориться с душой Повелителя Грома, запертой в лисьем теле. Помня о намеках Лэй Минцзюня касательно возврата долга, юноша предложил ему помочь обрести славу на вершине. И тот сдержал слово: заставил Минчжэн звучать, заслужив восхищение мудрецов.

Долг был уплачен.

Отныне их ничто не связывало, и дальнейшее обещало стать лишь сухим, холодным расчетом.

Лис слегка пошевелился. Поскольку основная душа не давала новых указаний, уцелевшая часть сознания не спешила действовать. Зверь лишь подогнул лапы, подполз поближе и уютно устроился у самой шеи Ху Пэя, погружаясь в сон.

Почувствовав тонкий природный аромат, юноша невольно улыбнулся в темноте.

Удивительное дело: у этого лиса не было и намека на неприятный звериный запах, от него веяло лишь свежестью спелых лесных плодов и влажной корой. Не зря его шерсть отливала драгоценным сиянием — верно, этот негодник успел поглотить немало небесных даров.

Что ж, утро вечера мудренее. Нужно упрямо идти по пути к министерскому креслу, став незаменимым для этой империи. Возможно, тогда даже грозный Повелитель Грома умиротворит свой пыл, посчитавшись с законами человеческого мира.

На следующий день Ху Пэй в первую очередь отправился в Государственный университет.

Едва его повозка выехала на главный проспект, как он оказался свидетелем невероятного зрелища: восторженные горожане буквально засыпали его экипаж спелыми плодами, а крышу повозки устлали душистыми шелковыми платками.

Крики «Линцзюнь!» гремели со всех сторон, словно по городу шествовал величайший триумфатор империи.

Прежде жители Золотой столицы говорили о господине Линцзюне лишь как о необычайно красивом и одаренном ребенке, гадая, каким мужем он станет и совпадет ли его облик с чертами их тайных возлюбленных.

Но теперь все изменилось.

Ху Пэй обрел статус одного из Десяти Мудрецов и стал владельцем демонического циня Минчжэн. Подобного величия порой не могли достичь почтенные мужи, посвятившие свиткам

всю свою долгую жизнь, а здесь триумфатором вышел девятилетний отрок. Как было не восхищаться им?

Отныне любой шаг Ху Пэя оказывался под пристальным вниманием всей столицы.

Стоило ему переступить порог Государственного университета, как толпы учеников выстроились вдоль дорожек, наперебой выкрикивая его имя. Благо Сюаньюань Дуань прибыл заранее и помог верной страже сдержать этот неистовый напор обожателей.

Даже строгий наставник, Великий историограф, завидев Ху Пэя в классе, одобрительно кивнул и во всеуслышание произнес:

— Прекрасный благородный муж, подобный изумрудному бамбуку на вершинах Цану. Поступки его стремительны, а помыслы чисты. Воистину, великолепно!

После столь высокой похвалы от признанного ученого слава Ху Пэя взлетела до небес.

Наследница Дворца Небесных Тайн и Великая ученая Шэнь Тяньсинь, вернувшись в свои покои и прослышав о столичных слухах, поддалась порыву и обронила:

— Будь Ху Пэй хотя бы на десять лет старше, я бы непременно взяла его себе в мужа.

Эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы.

Шэнь Тяньсинь приближалась к своему тридцатилетию, но до сих пор хранила девическую чистоту и почиталась первой девой Поднебесной. Пусть злые языки порой шептались, будто она держит во дворце тайных наложников, ни один слух так и не нашел подтверждения. Даже слуги в ее резиденции отзывались о госпоже исключительно с благоговением, пресекая любые грязные сплетни. Она оставалась истинным образцом безупречной чистоты.

В народе поговаривали: «Взор Небесной девы столь высок, что привлечь его под силу лишь небожителю». А господин Линцзюнь казался именно таким сошедшим на землю божеством — идеальной парой для нее.

Увы, «я родилась слишком рано, а ты — слишком поздно». Эта вечная трагедия разности лет стала излюбленной темой для печальных вздохов в столичных чайных домах.

Узнав об этих словах, князь Сюань в своей восточной резиденции в ярости разбил в щепки несколько драгоценных парчовых табуретов.

После заявления Шэнь Тяньсинь слава Ху Пэя выплеснулась далеко за пределы Золотой столицы, разлетаясь по самым отдаленным провинциям.

Его триумф озарил своим блеском и прочих отпрысков клана Ху, в одночасье превратив их в завидных невест и женихов столицы.

Старшие братья Ху Кунь и Ху Чэнь давно обзавелись семьями, а вот третий брат, Ху Тан, все еще оставался холост. Из-за поднявшейся шумихи свадьбу младшего шестого брата Ху Яна также решили не откладывать в долгий ящик.

Вскоре супруга советника Фань Синя прислала сваху, желая сосватать свою дочь Фань Иньцы за шестого молодого господина Ху Яна.

Положил глаз на Ху Тана и Великий министр юстиции Нин Сяо. Он также подослал сватов к супруге главы второй ветви семьи, госпоже Вэньчжан, предлагая союз.

Устроить судьбу Ху Тана оказалось делом нехитрым, а вот с замужеством восьмой барышни, Ху Юньшань, возникли трудности.

Ее старшая сестра, седьмая барышня Ху Юньлин, все еще не была помолвлена, и выдать младшую вперед нее означало породить обиду между родственниками.

Видя это, госпожа Цзюйхэн лично нанесла визит госпоже Вэньчжан и прямо заявила:

— Наша третья ветвь — младшая в роду. Если мы первыми выдадим Ху Юньшань, это не оскорбит достоинства Ху Юньлин. Поступай так, как велит долг, не оглядываясь на нас.

Узнав об этом разговоре, Ху Юньшань устроила бурный скандал. Она осыпала упреками госпожу Цзюйхэн за излишнее вмешательство, а собственную мать назвала недалёковидной. Сердце девушки давно принадлежало шестому принцу Сюаньюань Юэ, и она не собиралась безропотно подчиняться чужой воле.

Пока в восточном и западном крыльях усадьбы Ху гремели семейные баталии и готовились к свадьбам, Ху Пэй успел преподнести чай Великому министру Цзи Сюэкану, официально став его преемником.

Пусть в искусстве словесности Цзи Сюэкан не мог соперничать с великими учеными Государственного университета, он щедро делился с учеником своими обширными связями при дворе.

Учитывая громкую славу Ху Пэя, могущество его наставника и благородное происхождение семьи, даже высокопоставленные чиновники империи, завидев его скромный экипаж на улицах, приказывали кучерам уступать дорогу.

Понимая, что подобное внимание может навлечь беду, Ху Пэй велел Ху Линю запомнить гербы и знаки влиятельных семейных экипажей. Отныне при любой встрече его повозка первой

съезжала на обочину, пропуская знатных господ вперед.

Этот скромный жест принес ему репутацию юноши редкой учтивости, воспитанного в строгих семейных добродетелях. Вдоволь накупавшись в лучах славы, Ху Пэй внял совету отца и с головой ушел в учебу, стараясь как можно реже появляться на публике и ведя уединенный образ жизни.

Тем временем в усадьбе Чао глава семьи, Чао Ган, стоило ему завидеть своего сына Чао Цо, принимался ворчать:

— Погляди на Ху Пэя, какая радость для отца! Сегодня сам государь приводил в пример господина Линцзюня, упрекая министров в дурном воспитании детей. А что я? Чтобы укрепить связи при дворе, мне приходится думать о замужестве твоих сестер, в то время как этот мальчишка одними лишь собственными силами заставил самого господина Цзи возвысить его!

Пусть они давно не встречались лично на улицах столицы, слухи о невероятных успехах Ху Пэя то и дело долетали до ушей Чао Цо, вызывая у него жгучую досаду.

Не выдержав, Чао Цо с силой обрушил кулак на тренировочный деревянный манекен. Глухой удар заставил его отца удивленно вскинуть брови и замолчать.

Поняв, что упреки прекратились, юноша принялся с удвоенной яростью колотить по дереву, ритмично выдыхая. Манекен жалобно трещал под натиском его тяжелых кулаков, выдавая бушевавшую в душе парня бурю обиды и злости.

«Почему этому неженке достается все? И учится лучше всех, и лицом пригож, все его хвалят, все им восхищаются! Чем я хуже его? Не бывать этому!»

— Ха! Хей! — разносилось по двору.

Чао Ган с удивлением разглядывал своего повзрослевшего, ставшего неразговорчивым сына.

Тот заметно похудел, раздался в плечах, перестал винить во всем судьбу и оправдываться, научившись молча сносить любые тяготы. С конца прошлого года он не отходил от этого деревянного столба, и дерево уже блестело от пота и постоянных ударов.

«Что ж... Сравнивать вещи — лишь портить их, сравнивать людей — лишь сеять вражду. Свой ребенок всегда ближе к сердцу. Если сам я не сумел достичь высот, зачем срывать злость на собственном сыне?»

Видя упрямство и изнеможение Чао Цо, отец почувствовал укол жалости.

Будучи человеком неглупым, Чао Ган решил прекратить нотации. Слушая свист рассекаемого кулаками воздуха, он подумал, что его Цо, возможно, никогда не превзойдет соперника в знании трактатов. Но крепкое, закаленное тело в трудную минуту окажется куда полезнее, чем хрупкое здоровье столичных книжников. И это тоже имело свою цену.

<http://bllate.org/book/18313/1761215>